

этого памятника с постановлениями римского законодательства и предписаниями германского обычного права¹.

Однако по вопросу о происхождении этого памятника и степени его зависимости от римского законодательства и германского обычного права среди буржуазных исследователей существуют значительные расхождения². Как правило, выводы того или иного автора относительно состава и источников эдикта Теодориха во многом определяются политическими взглядами и национальными симпатиями исследователя: одни ученые, принадлежащие обычно к романистическому направлению, стремятся акцентировать внимание на выявлении римских источников эдикта Теодориха и находят истоки памятника исключительно в римском законодательстве³; другие же исследователи, являющиеся выразителями германистической точки зрения, прилагают немало усилий для выяснения влияния германского обычного права на то или иное предписание эдикта Теодориха⁴. Весьма разноречива и крайне тенденциозна также и общая оценка этого памятника в буржуазной историографии раннего средневековья. Некоторые буржуазные ученые, постулируя исключительно римское происхождение этого законодательного памятника, считают, что эдикт Теодориха не внес ничего существенно нового по сравнению с римским правом и поэтому как исторический источник не имеет никакого самостоятельного значения, а представляет известный интерес лишь как свидетельство неоспоримого господства римского права в остготском королевстве⁵. Подобная нигилистическая оценка этого важнейшего памятника остготского периода итальянской истории получила довольно широкое распространение в буржуазной историографии романистического направления⁶, хотя она основывается отнюдь не на глубоком изучении памятника и сопоставлении его предписаний с римским законодательством, а главным образом на априорных и тенденциозных построениях ученых этого направления. По мнению некоторых ученых, отстаивающих подобную точку зрения, эдикт Теодориха имел преимущественно консервативный характер, сохранял основы римской цивилизации и не вносил каких-либо существенных изменений в социально-экономические отношения того времени⁷.

В противовес точке зрения ученых этого направления, буржуазные исследователи германистической школы явно преувеличивали влияние германского обычного права и германских общественных отношений

¹ G. F. R h o n. *Edictum Theoderici*. Halae, 1844; F. D a h n. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, Würzburg, 1866, S. 1—122; *Edictum Theoderici*, *Commentar* ab Fr. Bluhme. MGH. *Legum t. V*, p. 145—149; L. M. H a r t m a n n. *Geschichte Italiens im Mittelalter* Bd. I. Leipzig, 1897, S. 114—118, 129; W. E n s s l i n. *Theoderich der Grosse*, S. 227—243.

² Так, например, Ф. Дан в трактовке отдельных статей эдикта и в определении их источников весьма часто самым решительным образом расходится с Роном (F. D a h n. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 48, 62, 64—65, 80, 86) и др., а в то же время издатель эдикта Ф. Блуме в свою очередь во многих случаях не соглашается с выводами Дана и иногда поддерживает точку зрения Рона (Fr. B l u h m e. *Commentar*, p. 154 etc.).

³ J. G l ö d e n. *Das römische Recht im ostgotischen Reiche*. Jena, 1843; D. K. H e g e l. *Geschichte der Städteverfassung von Italien*, Bd. I. Leipzig, 1847, S. 101—102, 105.

⁴ F. D a h n. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 41—42, 84—85, 96—97, 100 etc.

⁵ J. G l ö d e n. *Das römische Recht im ostgotischen Reiche*, S. 73.

⁶ D. K. H e g e l. *Geschichte der Städteverfassung von Italien*. Bd. I, S. 101, 104.

⁷ H. S t. M o s s. *La naissance du moyen âge (395—814)*. Paris, 1937, p. 94; E. S t e i n. *Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 132—133.